

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

The illustration depicts a man and a woman in a boat on a body of water. The man, with dark hair and a beard, is seated and has extensive, colorful tattoos on his chest and arms. He is holding a lit cigarette and looking towards the woman. The woman, with long dark hair, is leaning over the side of the boat, her face in profile as she looks at the man. The water is dark green and contains several small, colorful rubber ducks. The background is dark and atmospheric, with a large, colorful, abstract shape resembling a map or a piece of fabric on the right side. The overall mood is intimate and mysterious.

Константин Ларенцев
Одно Целое

Константин Юрьевич Ларенцев

Одно Целое

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57119955

SelfPub; 2020

Аннотация

Определение себя в мире и мира в себе – вот что привлекает главных героев. Они выстраивают собственную Вселенную взаимоотношений, не подозревая о том, что вскоре им предстоит проверить на прочность созданный их душами и сердцами Мир. Выдержит ли он? Или будет раздавлен обстоятельствами? Вопрос открыт. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	40
Глава 11	46
Глава 12	50
Глава 13	58
Глава 14	62
Глава 15	65
Глава 16	71
Глава 17	75
Глава 18	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Глава 1

Предрассветная мгла воскресного утра наполнена странными ощущениями: с одной стороны не улеглось впечатление от дня «до», и уже начинает формироваться восприятие дня «после». Всё как будто замирает и останавливается. Необъяснимое мгновение. Оно обволакивает тебя и уносит куда-то в другую реальность. И вот, ты – уже не ты, а какой-то совершенно незнакомый тебе человек из неизвестной эпохи. Нырять за жемчугом. Стоишь на отвесной скале, слышишь шум волн, дышишь глубоко, не задумываясь, хотя и знаешь, что вот-вот предстоит сделать всего один вдох и прыгнуть. Через какие-то несколько секунд всё вокруг поменяется. Набранного воздуха должно будет хватить, чтобы достичь своей цели и вернуться обратно. Мечтаешь о том, чтобы в процессе погружения не пришлось делать выбор, увидев самую прекрасную жемчужину: плыть к ней, не оставляя себе шансов на спасение, или вынырнуть на поверхность и вдохнуть столь необходимого кислорода. Особенность такого раннеябрьского утра в том, что оно хранит в себе всё: и радость, и грусть, и печаль, и спокойствие, и надежду.

– Ты что ещё не ложишься?

– Пока нет.

– И не будешь?

– Ну, вообще, собирался, – говорю я с полуулыбкой на

лице, доставая из пачки сигарету, – а ты чего так рано подскочила?

– Не спится что-то... Дай мне тоже.

Мы закуриваем по сигарете и смотрим в окно. Мы – это Костя и Лена, часть единого организма, хотя природа и разделила нас по разным телам, но, спасибо ей, оставила вместе, сделав близнецами.

– Красиво и странно... – произносит Лена.

– Что именно?

– Вот эта картина падающего первого снега. Он закрывает осеннюю грязь чистотой, украшает деревья. Но, несмотря на все блага, которые хочет подарить, вскоре растает и перемешается с межсезоньем. Странно, зачем ему вообще выпасть?

– Знаешь, ничего примечательного здесь нет. И улица, по которой мы ходим каждый день, самая обычная, и дома с фонарями тоже. Просто красиво. Так должно быть, например, для того, чтобы порадовать тех, кто этот самый первый снег увидит.

– Иногда мне кажется, что, мы говорим об одном и том же, даже чувствуем одинаково, но есть разница. Что-то происходит, понимаешь? Начала присутствовать Разница. Что это?

Я тушу сигарету, обнимаю её и говорю на ухо:

– Даже если что-то и есть, мы с этим обязательно справимся, иначе никак.

– Да знаю я... Просто порой толи какое-то предчувствие,

толи... Неспokoйно немного бывает.

– Не бери в голову, у нас всё будет хорошо, – целую в щёку, – пойду на пару часов прилягу.

– Ладно, давай. Отложим философские сомнения и тревоги на другое время. Лучше остатки роскоши вчерашней приберу, и, так и быть, можешь не помогать, будешь должен, – подмигивает мне Лена.

– Благодарю, – беззвучно проговариваю губами я, – на Тамару, думаю, тоже рассчитывать не приходится? Она не вставала ещё?

– Нет, у неё стресс, ты же помнишь это «всё плохо», так что – амнистия, пусть отдыхает.

– Точно, «всё плохо», тогда не пойду к ней, лягу в другой комнате.

– Спокойной... Утра, – Лена улыбается, открывает воду в раковине и принимается за мытьё посуды.

– Пошёл, – делаю я взмах рукой.

Подхожу к дивану и заваливаюсь на него с ощущением усталости и некоторой эмоциональной опустошённости, вызванной острыми темами вчерашних разговоров, погружением внутрь самих себя. Выплески искренности наружу, подкреплённые текилой вперемежку с сушёной растительностью, подчас выматывают. Надеюсь, Тамарино «всё плохо» сменилось на «всё нормально» или на «да пофиг вообще».

Сон длится не долго, но его хватает для подзарядки внут-

ренного аккумулятора. В голове ощущается лёгкое кружения под ритм цоканья каблучков.

– Ты, прям, в одежде спал? – сощурился один глаз, спрашивает Тамара. Подходит ко мне, присаживается рядом на корточки и поправляет мои растрепавшиеся от сна волосы.

– Ну, да, так вышло, – ещё не проснувшись, мычу я, – который час? Ты как? Куда собралась идти?

– Около десяти, можешь ещё подрыхнуть, – Тамара встаёт, отходит от меня и продолжает сборы. – Я – нормально. К маме нужно съездить. У неё какие-то гости намечаются. В общем, она меня реквизирует для помощи и присутствия. Как я выгляжу?

– Как всегда прекрасно и без последствий, – говорю я, чуть привстав, чтобы раскурить оставшийся со вчерашнего вечера косячок, – а Лена где?

– Она умотала уже. В бассейн сперва, потом в универ. Профессор этот её задолбал уже. То какие-то методички по сорок раз заставляет переделывать, то презентации. Нафиг она вообще в эту аспирантуру попёрлась? – Тамара снова подходит ко мне, я даю ей затынуться.

– Не знаю, захотелось ей так, к тому же это только начало. Сейчас освоится, потом сама будет поручать кому-нибудь методички делать.

– Хотелось бы верить, – Тамара поправляет волосы, целует меня, затягивается ещё раз, – всё, я побежала, пока-пока. Я закрываю за ней дверь, включаю альбом The Cure

«Desintegration», докуриваю косячок, задумываюсь о чём-то отрешённом и не замечаю, как снова проваливаюсь в сон.

Глава 2

Летели облака, летели высоко там, где их было не достать. В тоже время не покидало ощущение, что их так просто коснуться рукой. Ощущение это не проходило и не терялось. Можно было просто, протянув руку, дотронуться до облака. Как назло, каждый раз, в этот самый момент всегда что-то мешало. Комната и окружающий мир приобретали отчётливые силуэты и входили в Мой мир. Вот и снова так произошло. Я открыл глаза, мысленно посылая кого-то куда-то далеко и надолго. Этот кто-то, скорее всего что-то продающий или собирающий подписи ради какой-нибудь фигни, настойчиво ломился в дверь, звоня и стуча. Я делал вид, что меня нет дома. «У всех, кто имеет право входить в квартиру без спроса, есть ключ, а остальные всегда предупреждают заранее», – летела мантра сквозь мой полусон. Дверь открыта не будет! Йе-ху, моя взяла! Через некоторое время непрошенный гость ушёл. Я с чистой совестью встал, умылся и врубил бэст «Oasis». Пока братья Гэллахеры затягивали свой «Wonderwall», я пытался прибраться в квартире. На многое меня естественно хватить не могло, настроение было не в меру лирическим. Я его ненавидел, это своё настроение, хотя ещё больше я ненавидел в такие моменты находиться в одиночестве. Я знал, что это пройдёт, что состояние это временное, но, тем не менее, мне было не по себе. Я выпил кофе

и решил немного прогуляться.

Натикало уже далеко за полдень. Я шёл – куда глаза глядят. Воздух был свеж и прохладен. Для бодрящего эффекта – то, что надо. Порывы ветра, периодически проходящие насквозь, стремительно уносили моё недавнее уныние куда-то вдаль, делая меня более жизнелюбивым. Думалось о сестре, о Тамаре, о наших странных взаимоотношениях. Впрочем, они не являлись такими уж странными. Мы нежно друг к другу относились, наслаждались влюбленностью. Наш маленький мир был прекрасен. По мне, так ничего странного. С этой мыслью я зашёл в пиццерию и заказал одну пиццу с собой. Это была большая сырная пицца, от которой млела моя сестрёнка. Захотелось её порадовать и вознаградить за утреннюю уборку. Я достал из сумки телефон и набрал номер:

– Привет, ты сейчас где?

– Привет, из библиотеки институтской выхожу, материал кое-какой нужно было собрать.

– Когда дома будешь? Я покупаю тебе сырный беспредел, отвратительно огромных размеров.

– Мм... И я буду толстой коровой, когда всё это съем?

– Не бойся, я спасу тебя – съем пару кусочков.

– Я минут через сорок дома буду.

– Давай, детка, лети!

Я обожаю свою сестру! Я, в общем-то, неплохой человек, а сестра делает меня лучше. Мы откровенны до фанатизма,

граничащего с идиотизмом, и это в нашем понимании нормально. Подобных точек соприкосновения больше нет ни с кем.

Мы были «незапланированными» детьми и ворвались в жизнь родителей сюрпризом, да ещё и двойным. Они, конечно, наверное, нас любили, но не совсем были готовы к такому повороту событий. Возможно, это как-то повлияло, так что отношения у нас всегда складывались достаточно прохладно. Старшая сестра строила свою семью, её муж работал в фирме нашего отца, а она занималась домашними делами и воспитанием детей. Со старшим братом мы не общались, на то были причины. Он жил в другом городе. В общем, «большая дружная семья». Единственным человеком, который нас по-настоящему искренне сильно любил, была наша бабушка. С самого раннего детства мы большую часть времени проводили с ней. Она была преподавателем английского языка на пенсии, а также истинной бунтаркой в душе. Крутая. Не имея возможности преподавать, отрывалась на нас, закладывая одновременно и вольнодумство, и строгую дисциплину.

Когда мы окончили школу и поступили в университет, бабушка отдала нам во владение свою квартиру, а сама уехала жить к своей сестре за город, сказав, что мы ей надоели, а она хочет спокойствия. Шутила, конечно, хотя подростки кого угодно достанут. Так мы оказались типа самостоятельными. Как смогли переоборудовали квартиру под себя, сделали кое-какой ремонт и устроили пирушку по поводу новоселья,

позвав друзей и друзей друзей. Зависали дня три: пили, курили, трепались о вечном и мелочном, обо всём подряд, бесили соседей громкой музыкой и топотом от плясок. В процессе всего этого действия мы синхронно лишились девственности. Обычные извращенцы, нормальные такие. За очень поздним завтраком, когда все окончательно разошлись, было принято единоголосное решение, что ворота в жизнь открыты. На нашей стороне было лето, много гулянок, вечеринок, много новых знакомых, много знакомых знакомых и, как следствие, много безудержности во всех её проявлениях. Все тяжкие удались на славу!

Наше первое суперотвязное лето закончилось, мы стали серьёзнее, разочаровавшись в серьёзности. Неизменным осталось лишь наше отношение друг к другу – как к самому себе. Ничто не могло нас разлучить! С этим багажом мы стояли на пороге университета первого сентября, пытаюсь выяснить в какой аудитории будет начат наш поход в новую жизнь.

Ндаа, все эти воспоминания подчас ощущаются эхом, как будто и не было их вовсе. Лет шесть уже прошло. Пока помнятся, составляют нынешнее ощущение, хорошо бы не теряться и дальше.

Глава 3

Прошло несколько дней или даже пару недель, не отмеченных чем-то особенно запоминающимся. Осень всё сильнее и сильнее закручивала интрижку с холодами и превращалась в зиму. События развивались своим чередом достаточно вяло и незатейливо, но дни, на удивление, пролетали быстро. Когда ни Лены, ни Тамары не было дома, я бесцельно слонялся по городу, слушая музыку, а всё, происходящее вокруг, её дополняло. В голове проносилась целая куча идей, мыслей и фантазий, хоть фильм снимай или книгу пиши. Жаль, что запомнить не удавалось, да и желания особого запоминать не было. Просто слушал музыку, мысли влетали-вылетали, копошились меж собою, а я наблюдал за этим со стороны не без удовольствия. Я понимал, что это ненадолго, такое беспечное гуляние, что рано или поздно настигнут жизненные обстоятельства, в которых я буду запарено разбираться, буду куда-то вечно спешить и так далее. Но сейчас у меня было это маленькое удовольствие, и я старался им насладиться. Денег было не много, но, как ни странно, их хватало, чтоб оставаться на плаву и не чувствовать себя совсем на мели. Я перебивался случайными заработками от переводов различных статей, помогал нерадивым студентам при сдаче различных зачётов и прочих студенческих обязательств (благо, что в институте были как преподавате-

ли, недовольные своей зарплатой, так и двоечники, не могущие или не желающие учиться самостоятельно, а кое-какие связи даже после получения диплома у меня оставались). В общем, хватало на прожиточный минимум и всяческие маленькие радости.

За окном было 17 ноября, погода достаточно пасмурная, в окна дул сильный ветер, от чего в квартире становилось весьма прохладно. Мы с Леной сидели на диване, укутавшись пледом, и смотрели «12 обезьян». Раздался телефонный звонок, Лена взяла трубку. По обрывкам фраз я понял, что звонит Тамара и куда-то нас зовёт своим радостным возбуждённым голосом. Когда разговор был закончен, я вопросительно и с неподдельным любопытством смотрел на Лену.

– Ну, что там? Не томи уже, – говорю.

– Кажется, мы летим в Сочи. Я толком не поняла, Томик всё как-то скомкано протараторила. Вроде как, давний знакомый, который, оказывается, с нами учился когда-то, пригласил её и, собственно, нас в Сочи на открытие отеля или гостиницы, или чего-то там ещё.

– Интересно, что ж это за знакомый такой? – задумываюсь я.

– Мм...

– Серёга Дмитриев, что ль? – быстро соображаю, – наверное, он, скорее всего. Ну, помнишь, учился с нами на втором или на третьем курсе. Волосы у него такие кудрявые, пирсинг в носу.

– Да, только он уехал куда-то, даже семестр последний не доучился, – припоминает Лена, морща лоб, – и с Тамарой мы позже, вроде, познакомились.

– Не доучился и не доучился, но несколько раз потом мы точно зависали, когда он приезжал, и Тамара как раз в компании общей была, – вспоминаю я.

– А, может, не он?

– Может, конечно, и не он, но я не знаю что-то больше наших общих знакомых, которые могли бы открыть отель и пригласить слетать куда-нибудь на выходные. У него же и отец, вроде, какой-то супер коммерс.

– Ну, пожалуй, да, больше особо некому, – соглашается Лена.

Раздумья и догадки прерываются звуком открывающейся двери.

– Всем привет! – сбрасывая плащ и сапоги, выкрикивает Тамара.

– Привет, мы же только что по телефону говорили? – слегка недоумевает Лена столь быстрому приходу.

– Меня Серж подвёз, – Тамара проходит в зал.

Мы с Леной переглядываемся и выдаём в один голос:

– Точно, Серж.

– Да-да, Серж Дмитриефф, – с двумя «ф» на конце и ударением на последний слог произносит Тамара утрированным французским акцентом, – его отец со своими компаньонами открывает супер-пупер гранд отель, Серж, как престо-

донаследник, с ним, а мы почётные гости.

– Круто, – говорю я, закуривая сигарету.

– Как вы встретились-то вообще? – интересуется Лена.

– Как, блин, в кино. Стою я на остановке, вдруг голос слышу: «Девушка, вы всё также прекрасны!» – оборачиваюсь, а там Серёга. Поговорили, слово за слово, и вот мы летим в Сочи, – Тамары плюхается в кресло с довольным лицом, вздымая обе руки вверх.

– Да подожди, не скачи так быстро, подробней расскажи, – говорю я, ища глазами пепельницу.

– По семейным делам каким-то они в городе сейчас. Отец его завтра, а он в пятницу на открытие этой самой гостиницы летят. А нас он пригласил, чтоб веселее было, повспоминать там, оттянуться хорошенько, как в старые добрые времена.

– С Сержем мы нормально общались, весело даже, о музыке много говорили, о фильмах там всяких, в шахматы даже играли иногда.

– Ага, шахматисты, – смеётся Тамара, – а я думала, вы только по клубам укуренные шатались.

– Не важно, – продолжаю я – было ж дело, можно и вспомнить. К тому же когда ещё выберемся?

– Вряд ли это просто приступ «ностальжи». По тебе, небось, до сих пор сохнет. У вас же там было что-то пару лет назад? – Немного ревниво замечает Лена. – Увидел, и всколыхнулись старые чувства, а мы приглашены, чтоб ты согласилась, чтобы тебе одной ехать не неловко было.

– Да какая разница, сохнет, не сохнет, было, не было? Уже давно проехали, между ним и мной только дружба. Просто хорошо время проведём. Всё в порядке, не переживай, – Тамара встаёт с кресла, подходит к Лене и обнимает её.

– Да я не переживаю...

– Ревнивая жёнушка, – не сдерживаюсь я.

– Да иди ты! – немного рыча, бросает мне Лена.

– Ладно, не ссорьтесь, на море не были сто лет, а тут ответят, привезут и всё по полному разряду, грех отказываться, – примиряет нас Тамара.

– Да не ссоримся мы, – улыбаюсь я.

– Море это море. Красиво и прекрасно, – Лена улыбается в ответ.

– Волшебно – подытоживаю я.

Какое-то время мы молчим немного задумчиво и вскоре начинаем собираться, ведь уже через пару дней начнётся приключение, которое обещает быть весьма увлекательным.

Глава 4

Утром пятницы возле подъезда нас ждал новенький чёрный БМВ, возле которого стоял Серж. Выглядел он стильно, элегантно и дорого. На нём были чёрные ботинки, толи джинсы толи брюки, белый свитер, полупальто и солнцезащитные очки. Пирсинга в носу уже не было, причёска была аккуратнее, но по первым словам, я понял, что он всё тот же.

– А вот и близнюки, заставляющие выпрыгивать с листа мою кардиограмму!

– Здравова! – выкрикиваю я. Мы жмём руки, тепло обнимаемся.

– Привет, господин Серж Дмитриеф..ф, – шутливо бросает Лена и целует его в щёку, – очень круто смотришься.

– Спасибо, конечно, но, блин, прекращай меня смущать.

– Да брось, это ж чыстая правда, – имитируя южный акцент, говорит Лена.

– Так, вас должно быть больше, – намекая на отсутствие Тамары, произносит Серж.

– Принцесса скоро появится, – подшучиваю я.

Минут через десять подъездная дверь открывается, выходит Тамара. Выглядит она потрясающе. На ней сапоги, чулки, бирюзовое платье, плащ и шарфик, окутывающий нежную шею. После паузы на лицезрение Серж подлетает к ней, они обмениваются поцелуями, перекидываются парой слов

и подходят к нам.

– Детка, ты супер! – говорит Лена.

– Да, мать, хороша! – подхватываю я.

– Восторг-восторг! – резюмирует Серж, укладывая наши чемоданы, – ну что, в путь!

– В путь! – отвечаю я, помогая ему.

Мы запрыгиваем в машину и отъезжаем от дома. Погода становится очень яркой и блестящей, иней серебрится, на голубом небе ни облачка, а солнце, как будто, отражается в листьях своим жёлто-рыжим цветом. Я смотрю в окно, и на моём лице невольно появляется улыбка. Лена берёт мою руку, мы переглядываемся, затем снова смотрим в окно. На короткое мгновение ощущаем себя по настоящему частью вселенной, чувствуем нашу связь с каждым оторвавшимся и парящим на ветру листиком, с каждым глотком воздуха и с бесконечным синим небом в лучах яркого осеннего солнца.

Старательно избегая пробок, мы выезжаем из города и едем в сторону Москвы, наша цель – аэропорт.

– Крайне неудобно, когда в твоём городе нет аэропорта, – начинает Лена.

– Он есть, только ни хрена не работает, – говорю я.

– А я слышала, что его собираются вновь запустить, – поддерживает разговор Тамара.

– Вряд ли там международные рейсы будут осуществляться, – присоединяется Серж, – не такой уж он и крупный.

– Крупный не крупный, но, хотя бы в пределах централь-

ной России, было бы уже неплохо, – замечаю я.

– Ты же всё равно летать боишься, – провоцирует меня Лена.

– Ты как будто не боишься? – подкалываю в ответ я.

– Да бросьте вы, летали-то два раза, всё без эксцессов обошлось и на том спасибо, – примиряет нас Тамара, – по статистике вообще не так уж много людей в самолётах гибнет, по сравнению с автотранспортом, например.

– Спасибо взбодрила, – ехидничает Лена. – Серёг, вот ты, наверное, часто путешествуешь, как тебе спокойней: ездить, летать или плыть вообще?

– Раньше как-то больше переживал и волновался по поводу «способа перемещения», но чем дальше я катаюсь туда-сюда, тем меньше обращаю на это внимание. Особенно, когда тебе нужно как можно быстрее из точки А в точку Б попасть по делам или работе.

– То есть всё определяет время, проведённое в пути? Чем быстрее, тем лучше, чем чаще, тем спокойнее? – продолжает расспросы Лена.

– По сути да. На ту же турбулентность в десятый, двадцатый, тридцатый раз уже не так реагируешь, как в первый, когда вливаешься в кресло самолёта и молишься всем богам, каких только вспомнишь. Опыт, конечно, придаёт спокойствия. Но на отдыхе, скажем, если ты путешествуешь просто, то сами по себе эти начальная и конечная точки А и Б тебе не так важны, главным становится само перемещение по всем

промежуточным точкам и то, что с тобой там происходит.

– Слушай, тут можно, прям, пофилософствовать. Представь, точка А – рождение, точка Б – смерть, – начинаю я, – в сущности, для человека, для его ощущения себя в мире, эти точки не являются супер определяющими: где и когда родиться он не выбирает, где и когда умрёт не знает наверняка. Для него, как раз, важными и являются все промежуточные точки, они, собственно, жизнь и составляют.

– Хм, ну да, всё в жизни соотносится, только всё разных масштабов. Вот мы здесь, вот мы в Сочи, вот мы едем. Потом оттуда куда-нибудь ещё махнём. Так что, даже чисто математически или как там ещё, всё подчиняется тем же законам, как рождение, смерть и жизнь между ними. Мы состоим из точек А, Б и тем, что посередине. И всё, что вокруг нас состоит из того же, – присоединяется Лена.

– Люблю я эту их хрень, – обращаясь шёпотом к Сержу, говорит Тамара.

– Ага, они могут легко превратить обычный трёп в философский диспут, – отвечает тот. – Всё больше и больше понимаю, как мне этого не хватало.

– Не бойся, мы с тобой! – кричит Лена и трясёт с заднего сиденья Сержа за плечи.

– Эй-эй! Я за рулём всё-таки, и мне нас всех хотелось бы доставить в целостности и сохранности, чтобы прижаться удовольствию в хорошем месте с бокалом чего-нибудь хорошего в руках, в хорошей компании.

– Ну, компания у тебя есть хорошая, – перестаёт трясти Лена.

– Я бы даже сказал – отличная! – восклицаю я.

– Согласен, но разве не лучше этой отличной компании провести выходные на побережье, нежели чем в кювете на полпути до аэропорта? – глядя на нас в зеркало заднего вида, отвечает Серж.

– Ценная мысль, – подхватывает Тамара.

Мы переглядываемся все вчетвером с серьёзными невозмутимыми лицами и начинаем смеяться лихорадочно, не совсем понимая отчего, просто ржём без причины, пока наша маленькая вселенная продолжает движение из точки А в точку Б.

Глава 5

В самолёте мы по команде невероятно сексуальной стюардессы (ведь правда, чем дороже билеты, тем красивее стюардессы, а за ценой Серж не постоял, хвала ему) пристегнули ремни, начали набирать высоту. Деревья и дома за бортом становились всё меньше и меньше, суэта теряла свои очертания, превращаясь в едва уловимые силуэты, а мы всё больше ощущали себя птицами. Разнесли напитки, мы откинулись в креслах. Небольшая усталость с дороги сменилась расслаблением, дав волю мыслям. Мы порхали, тешили себя грёзами, словом, наслаждались сиюминутным кайфом. Временным, легковесным, но таким приятным, таким, что потом воспринимается как невосполнимая пропасть, в которую ты невольно каждый раз падаешь, по которой невольно каждый раз скучаешь. Такие моменты почему-то запоминаются, почему-то остаются с тобой. Может, во всём виноват гул самолёта, который своим монотонным мычанием вводит тебя в некий транс, а может, ты просто восприимчив ко всякой такой эмоциональной фигне, и твоё внутреннее я записывает всё это в бесконечные тетради, чтобы потом прочитать тебе это вслух.

- Ты грустишь? – вынимая наушник, спрашивает Лена.
- Да нет, просто как-то так, – отвечаю я.
- Это всё полёт, не бери в голову. Перепад от суеты к па-

рению. Временное чувство.

– Не знаю, – я беру её за руку, – порой бывает немного не по себе от мыслей, чувств и ощущений. Казалось бы, всё просто, хорошо, но всплывают какие-то камни, неизвестно откуда взявшиеся...

– И ты не знаешь, как с ними поступить...

– Да.

– Эту странность я тоже заметила и решила её счесть, как одно из жизненных обстоятельств.

– Помогло?

– Не знаю пока, надеюсь, поможет. Но когда наступают такие моменты, ты прав, не по себе.

– Может, мы стареем?

– В двадцать-то три года?! Вряд ли, скорее горим и умиляемся.

– Горению?

– Ситуации. Вот летим, думаем, мечтаем. Много ли ещё раз сможем просто помечтать?

– Не знаю, ещё раз...

– Ещё много-много раз, – имитируя Высоцкого, поёт Серж из кресла впереди, – что вы там за уныние развели? Хорош! Вот-вот приземлимся для отдыха и веселья. Тамар, ты хоть им скажи.

– А? Что? – выключая музыку. – Вы что опять?

– Да, я ничего, а братишка приуныл.

– Дай, я его поцелую, – Тамара тянется ко мне.

– Или давай я, – смеясь, выдаёт Серж.

– Ну, ладно, ладно, окружили. Я в порядке, просто нака-
тило вдруг. Девушка, можно нам ещё сока, – обращаясь к
той самой сексуальной стюардессе, говорю я.

– Скоро подлетаем, держитесь. Сейчас принесу, – она
улыбается, неповторимо поворачивается и уплывает.

– Хватит пялиться, – замечает Тамара.

– Отклонено, ваша честь! – раздаётся от Сержа.

– Очень даже ничего, – глядя на уходящую стюардессу го-
ворит Лена, – но ладно, хватит, будьте джентльменами.

– Я воль, команданте, – бросает Серж.

– Я тоже воль, – добавляю я.

Полёт продолжается, мы продолжаемся, вот-вот объявят
«пристегните ремни». Хорошее ощущение. Ощущение при-
частности к событию, к «движухе». Очень мило и весело.
Раздумья улетучиваются. В иллюминаторах виднеется бес-
конечное чудо.

– Море! – радуется Лена.

– Море! – радуюсь я.

– Море! – радуется Тамара.

– Ага, море, – подхватывает Серж.

– ВООТ И МЫЫ, – вторя всем нам, отзываются пропел-
леры самолёта. – ПРИИВЕЕТ, МООРРЕЕЕ!!

Глава 6

Какая невообразимая красота, целая вечность, манящее великолепие Вселенной. Такое состояние неколебимости, спокойствия и буйства одновременно. Уходящее вдаль сомнение: уже небо или ещё вода? Когда смотришь, не покидает мысль: как такое вообще возможно? Это невероятное ощущение чего-то великого, воплощённое в чём-то прекрасном. Как людям может быть не совестно не обращать на это внимание, как им может быть не стыдно засерать волшебство своими отходами? Парадоксально глупо. Прости. Прости, любовь моя, что я принадлежу этой своре и закрываю глаза, не имея сил воспротивиться. Позволь насладиться тобой, молю.

– Смотри, как они к окну прильнули, – обращается к Тамаре Серж.

– Их большая любовь, они всегда так, как море увидят. Смотрят и смотрят, потом привыкают, адаптируются и могут продолжать общаться.

– И долго их прёт? – подшучивает Серж.

– По-разному бывает.

– Это у них ко всем водоёмам?

– Нее, только к солёным, – едва сдерживает смех Тамара. – Я, вот, представила, что ко всем. Набирают так ванну и начинают залипать.

– Ага, до тех пор, пока она не остынет и не превратится из тёплой южной в холодную северную.

– Ну, тогда можно продолжить и переосмыслить остывание в новом качестве. Философском, со структурами бытия, – они начинают хихикать.

– Мы всё слышим, между прочим, – вмешивается Лена.

– Так мы специально, чтобы вы к нам быстрее вернулись, – немного оправдываясь, но продолжая смеяться, говорит Серж.

– Ну ладно, ладно, – улыбаюсь я, – нужно же, поздороваться, поприветствовать.

Мы подъезжаем к отелю, выходим из минивена, встречавшего нас по прилёту, и идём внутрь.

– Солидно, однако, – начинаю я.

– Вполне себе недурственно, – в один голос подхватывают Тамара с Леной.

– Спасибо, я рад, что вам нравится, очень приятно, – Серж немного смущается, помогает нам внести вещи, – Лёш, возьми, – обращаясь к кому-то из персонала, – у нас 511-й и 512-й.

– Хорошо, что-нибудь закажете сразу, – отвечает тот.

– Думаю, заселимся, а там и определимся.

Всё наполнено блеском и предвкушением праздника. Развешиваются шарики, натираются бокалы, охлаждается шампанское. Прекрасная суэта отражается в глазах, настроение приподнятое. Гости съезжаются, расселяются и начинают го-

товиться к выходу в свет, к первой вечеринке уик-энда, предваряющей основную – завтрашнюю. Мы идём к лифту, поднимаемся на свой этаж.

– В нашем распоряжении два номера. Располагайтесь пока. Передохните немного с дороги. Сегодня я с вами, завтра дела, открытие, так что – по ситуации. Ну что? Заселяемся? – подмигивает Серж.

– А то! – подхватываю я.

– Давайте для начала, мальчики сюда, девочки сюда, – говорит Тамара.

– Всё равно вскоре объединимся, – продолжает Лена, берёт Тамару за руку, проскальзывая в номер.

– Стало быть, нам сюда, – открывая дверь, говорю я.

– Хорошо, я только к отцу заскочу, поздороваюсь да вискарика на обратном пути захвачу.

– Давай.

Я захожу, снимаю куртку, отдёргиваю шторы.

– Охренительно! – проносится в голове.

– Охренительно! – отвечаю вслух я, достаю пачку сигарет, прикуриваю, сладко затягиваюсь. – Определённо мне здесь нравится.

– Охренительно! – раздаётся из соседнего номера голос Лены.

Глава 7

Избавь меня, боже, от снов бесконечной разлуки, от сумерек, что, подчас, страшнее тьмы. В омуте собственных мыслей и чувств рано или поздно оказывается всякая заблудшая душа. Она ищет выхода отчаянно, истерически, она бьётся о стены, теряется в хаосе и стремительно растворяется. Защитные позы, жесты и слова не срабатывают, не спасают. Слезы солёным потоком омывают раны, разжигая новую боль. Потрескавшиеся губы, пытаясь улыбаться, начинают кровоточить, страх перед неизбежностью приобретает форму поглощающей замкнутой кривой, нисходящей и разветвляющейся. Когда-то эта кривая называлась жизнью, как её назвать сейчас не очень хорошо представляется. Утрата красок неминуемо ведёт к серости, блёклости, вовлекая в падение бутылки, ложки, зажигалки, кроша всё мельче осколки того, что когда-то называлось сердцем. Приключение заканчивается и начнётся ли новое неизвестно. Есть ли вообще смысл в том, чтобы его начинать, зная, что финал будет печальным. Есть ли смысл в ловле облаков во сне? Они выглядят такими манящими, такими прекрасными, но как только ты к ним приближаешься и пытаешься коснуться рукой, то сразу просыпаешься. Возвращается обычная реальность, которая реальна настолько, что начинает тошнить. Ощущение, будто ты из любимого художественного фильма попадаешь

в унылое и скучное документальное кино, которое ты обязан смотреть, потому что так устроен мир. Паршивые радости, паршивые колкости, ненавистные лживые постановки, бездарные герои – вот, что заставляет душу всё чаще и чаще проситься домой, ловя облака.

– Эй-эй-эй, ты так не увлекайся, а то забудешь, как тебя зовут и какой год сейчас, – теребит меня за плечо Серж.

– Да, братишка, что-то ты залип.

– Ты в порядке? – обеспокоенно смотрит на меня Тамара.

Я озираюсь по сторонам, пытаюсь понять что происходит, сознание начинает возвращаться:

– Что случилось-то?

– Так бывает иногда по неопытности, ничего страшного, – успокаивает Серж, – я вообще один раз так переборщил, что скорою хотели вызывать, страшновато было. А это ничего, отпустит сейчас.

– Больше, наверное, пока не надо, – говорит Лена.

– Думаю да, повременим пока, – соглашается Тамара.

Перед нами стол с несколькими дорожками, парой зажжённых свечей и четырьмя бокалами шампанского.

– Чего-то да, как-то протрация меня внезапно настигла, – пытаюсь отшучиваться я, – давайте на свежий воздух выйдем, а то немного душновато.

Мы собираемся, выходим из номера, покидаем отель и движемся в сторону пляжа. Серж и Тамара идут чуть впереди.

– Ну что, тебе лучше? – спрашивает Лена.

– Да, вполне уже отпустило, – говорю я, – морской воздух творит чудеса.

– Хорошо здесь, красиво.

– Согласен.

– Умела бы я писать картины, непременно в какое-нибудь такое местечко сбежала и осталась навсегда.

– Прямо так навсегда? Не станет скучно?

– Не знаю, но не хотелось бы заскучать, – улыбается Лена.

– Лучше, чтоб пожил в одном прекрасном месте, потом махнул в другое, не менее прекрасное, и так далее. Вот такое «навсегда» было бы неплохо. Люди разные интересные, а иногда и без людей, но чтобы непременно интересно было.

– Тоже неплохой вариант.

Мы догоняем Тамару и Сержа:

– О чём секретничаете?

– Вот вспомнили момент занимательный... шахматный, – оба смеются.

– Да-да, я как раз рассказывал, как мы с тобой однажды желание проиграли, – вспоминает Серж, – так вот, вечеринка начинает подходить к концу, остаются самые стойкие.

– И решают поиграть, – подмигивает Лена.

– Ну не в города же, – кивает Серж, – достаются шахматы, на кон выставляется желание и, чтобы вовлечь во всё это дело побольше людей, игра начинается два на два. Мы с Константином лихо проходим полуфинал, обыгрывая, чуть ли не

детским матом в три хода двух перекуривших неформалов. Выходим в финал, где нашими соперниками, а вернее соперницами, становятся две милые девушки, которых до этих посиделок мы и не знали. Полные уверенности в себе мы проигрываем разгромно сражение на шахматной доске...

– Ну, кто ж знал, что они разрядники или мастера спорта? – вклиниваюсь я.

– Неважно. Короче, пролетаем мы как фанера над Парижем, и слышим их вердикт: пробежаться голиком по студ. городку, выкрикивая всякие непристойности с обилием всех известных крепких словечек и выражений.

– Всё бы ничего, если б в округе никого. Но вечер-то в разгаре, вечеринки ведь студенческие, подчас...

– Как и в тот раз, – улыбается Лена.

– ...могут чуть ли не с утра начинаться, – продолжаю я.

– И вот мы, так сказать, «немного подшофе», абсолютно голые бежим, орём всякое зычное, распугивая детей, прохожих, парочки всякие влюблённые, и встречаем декана...

– Александра Витальевича, – я закрываю глаза рукой.

– Александра Витальевича, – не останавливается Серж, – а смущаться-то и прятаться нельзя, это ж проигранный спор, нужно продолжать расплачиваться, ведь могут и не засчитать результаты. Мы бежим, кричим что-то про за...бали мусорить и, пробегая мимо него, неловко так бросаем...

– Здравсьте...

– Желание мы, конечно, отработали, но стрёма было мно-

го потом, как бы нас не отчислили.

– Ну, ведь не отчислили же? – увлечённо интересуется Тамара.

– Не отчислили, – подхватывает Лена, – всё-таки за всей своей строгостью Александр, наш, Виталич, вполне нормальным оказался, видимо, и своё студенческое время вспомнил.

– Ну да, вызвал нас потом на разговор у себя в кабинете, мы, не смея поднять глаз, его выслушали.

– И, вроде как, вскоре всё улеглось, – подытоживает Серж, – но больше огульно абы с кем неизвестным мы в шахматы на желания не играем.

– А что, надо бы как-нибудь сыграть, – игриво добавляет Тамара, – мне идея понравилась.

Глава 8

В холле отеля празднично и ярко, плавно передвигаются гости, немного суетятся служащие и сотрудники. Людей становится больше, и, хотя не все ещё приехали и разместились, с каждой минутой шум голосов и звон бокалов раздаются всё громче и громче. Мы проскальзываем в банкетный зал, подобно мотылькам, летящим на свет. С интересом глазеем по сторонам на дам и их кавалеров, на одиночек, стреляющих глазами, на уже поднабравшихся добровольных изгоев, погружённых в раздумья, словом на всё то, что сопровождает подобные мероприятия и не надоедает, тая в себе надежду на что-то. Мы находим наш столик, заказываем по виски с колой и поворачиваемся к сцене.

– Дамы и господа, дорогие гости мы рады вас приветствовать в нашем отеле. Хочу пожелать вам приятного вечера и самых положительных эмоций. Давайте начинать!

Раздаются звуки живых инструментов, свет делается приглушённым, зал наполняется прозрачной дымкой, начинает звучать лёгкий приятный джаз, который заполняет всё вокруг, абсолютно не мешая общаться.

– Ну как вам? – интересуется Серж.

– По-моему потрясающе, – отвечаю я.

– Классно, – присоединяется Лена, – это вообще самая крутая вечеринка, на которой я была, прямо дух захватывает

от всего этого блеска.

– Что ж, дорогая, наслаждайся, пока это ощущение не прошло.

– Не хотелось бы, чтобы проходило, – присоединяется Тамара.

– Всё мимолётно и очень быстро проходит. Ещё совсем недавно я также с открытым ртом пребывал на таких мероприятиях, а потом толи привык, толи взглянул глубже.

– И что тебя начало расстраивать? – спрашиваю я.

– Иногда люди, иногда атмосфера общая. Знаешь, когда надевают уродливые маски лживой искренности и улыбаются, при этом ненавидя всё и всех вокруг.

– А зачем ты ходишь на такие? – Тамара смотрит немного не понимающим взглядом.

– Иногда по необходимости, по работе, иногда просто так, никогда же не знаешь, чем обернётся тот или иной вечер, и хорошо тебе будет или плохо.

– Наверное, когда начинаешь понимать, что вокруг враждебно, то лучше свалить побыстрее, чтобы не стать одним из таких людей, – говорит Лена.

– Я так и делаю, ну, по крайней мере, стараюсь так делать.

– Сейчас совсем не такая вечеринка, – утешает Тамара, – мне кажется всё хорошо, доброжелательно и весело.

– Надеюсь так и будет продолжаться. Здесь ещё важным элементом является то, с кем ты, кто составляет твою компанию. И если, тебе с этими людьми хорошо и им с тобой

хорошо, то и не важно, где ты, и что происходит вокруг.

– Хорошо сказал, – хлопаю я по плечу Сержа и подзываю официанта.

Мы заказываем ещё выпить. Ощущения приобретают окраску приятного блаженства. В хорошей компании с бокалом в руке, слушая джаз в живом исполнении, так приятно проводить время. Трепаться о чём-то и важном, и неважном, полезном и бесполезном, подшучивать друг над другом, над тем, что вокруг, над тем, что было или будет. Смеяться и грустить, меняя в случайном порядке темы разговора. Играть мысленно с красками и переливами в глазах друг друга. Наслаждаться и цветами, и оттенками, находить и узнавать что-то новое, открывать что-то в себе и в других. Вечер продолжается, мы продолжаемся и плывём по волнам нашей юности, наполненные неподдельной страстью ко всему, что нас окружает. Кажется, что это будет вечно, ах, как хотелось бы, чтобы это было вечно.

Глава 9

Вечер начинает принимать неопределённую форму: толи он в самом разгаре, толи начинает заканчиваться. Музыка продолжает звучать, ведущий периодически говорит что-то, кто-то танцует, кто-то уже ушёл, а кто-то так и не появился. Я подхожу к нашему столику и предлагаю продолжить вечер прогулкой по ночному побережью. Найдя согласие во взглядах друг друга, мы отправляемся к выходу, прихватив с собой бутылку виски. Погода достаточно прохладная и немного ветреная, но нас это не останавливает. Мы добираемся до воды и находим место, где можно присесть.

– Хорошо, что мы приехали сюда, – начинает Лена, – мне здесь очень нравится.

– Определённо, мы переживаем хороший момент, который запомнится, – говорит Тамара и берёт её за руку.

– Это хорошо, – Серж достаёт из кармана косячок и раскуривает его, – радостно от того, что вот так всё получилось и организовалось.

– Всё благодаря тебе, это и вправду одни из лучших выходящих, если не лучшие, – я открываю виски и делаю глоток.

– Знаете, мне было бы одиноко сейчас без вас, – Серж передаёт косяк Лене.

– Да, брось, всё равно бы развлекался, – говорит та и делает затяжку.

– Что ж тут ещё делать? Развлекался бы, наверное, ну да, конечно, – немного грустно добавляет Серж, – но всё же бывает такое ощущение, что что-то не то, вот, вроде бы, всё замечательно, но как-то не так, как должно быть или могло бы быть.

– Это просто бури магнитные или ещё какая-нибудь хрень, вспышки на солнце, пролетающая мимо комета или типа того, – пытается подбодрить его Тамара.

– Или трава убойная, – немного закашлявшись, выдыхая дым, говорю я.

– Этого ощущения раньше не было просто, хотя и пили, и курили мы не меньше, – продолжает Серж, – философской херни в голову меньше лезло, задумчивости какой-то поглощающей не было. Как-то всё проще виделось.

– Может это и не так плохо, – говорит Лена, – всё-таки возможностей у тебя больше появилось, а с ними и ответственности. Просто пытаешься это осознать, где-то переосмыслить происходящее, отсюда и терзания.

– События и перемены всегда вносят свой вклад, хотим мы этого или нет, пускаем ли мы это в себя открыто или оно заползает само окольными путями, – продолжает мысль Тамара, – рано или поздно волна накрывает, и хорошо бы оказаться на её гребне, а не захлебнуться под ней, переломав себе все кости.

– Порою и не знаешь где ты, на волне или под волной? И вообще это волна или тебя водой просто окатили, – поддер-

живаю разговор я, – наверно, имеет смысл научиться умению отличать значимое от ерунды всякой и обращать своё внимание именно на важные моменты.

– И как их определять? – спрашивает Серж.

– А хрен знает! – выкрикиваю я.

– Сердце подсказать должно, – предполагает Лена, – подтолкнуть куда нужно, и если куда-то не туда понесло, то вернуть обратно, к своему маршруту.

– Давайте за это выпьем, – поднимает вверх бутылку Тамара, – чтобы наши сердца и души всегда вели нас в правильном направлении!

– Ура! – единогласно киваем мы.

Допив виски, мы возвращаемся в отель. Вечеринка почти завершилась, народу практически не осталось, постепенно убираются столы. Мы поднимаемся на свой этаж и расходимся по номерам.

– Спокойной ночи, мальчики, – желает нам Тамара.

– До завтра, – вторит ей Лена.

– Сладких снов, красотки, – подмигивает Серж.

– Пока, – немного небрежно бросаю я.

Мы с Сержем заходим в номер, наливаем себе ещё по стаканчику, недолго о чём-то разговариваем и вскоре проваливаемся в сон. За окном накрапывает мелкий дождь, оставляя следы на стекле и изредка стуча по карнизу, вводя нас в мерный транс подзарядки внутренних батареек.

Глава 10

Я просыпаюсь уже через пару часов. За окном ещё сумеречно и только-только начинает светать. Сладко потягиваюсь, лёжа на кровати, и решаю немного пройтись, пока остальные не проснулись. Потихоньку встаю, одеваюсь и выхожу из номера, попутно пишу записку, что ушёл прогуляться. Оставляю её на журнальном столике, дабы никто не волновался, куда я пропал ни свет ни заря.

Выхожу из отеля и направляюсь в сторону моря. Царит гармоничная несуетливая атмосфера непроснувшегося города. Слышен шум волн приветливый и мерный, временами превращающийся в музыку, наполняя тишину своим великолепием. Я подхожу к воде, мочу руки в набегающей волне, омываю лицо и, глубоко вдохнув свежего морского воздуха, произношу вслух:

– Привет, здравствуй, моё прекрасное, вот мы и увиделись вновь.

– Шшш...шшш...шшш... – доносится нежно в ответ.

Всё внутри наполняется приятным ощущением. Я иду вдоль берега, мысли то появляются, то исчезают, то появляются вновь. Они настолько мимолётны, что не удаётся прочитать их. Чуть поодаль я вижу скамейку, подхожу к ней, сажусь и закуриваю сигарету. Где-то между небом и водой проявляется едва уловимый силуэт корабля. Он как призрак,

голограмма, глянешь так, вроде есть, а чуть вот так, вроде и нет.

– Здесь не занято? – я поворачиваю голову и вижу возле себя мужчину в пальто, в толи шляпе, толи берете и очках причудливой формы с затемнёнными стёклами. На вид ему лет пятьдесят, он похож на какого-нибудь художника или писателя.

– Нет, свободно. Присаживайтесь, если хотите.

– Я вас здесь раньше не видел, – он раскуривает трубку.

– Да я здесь, собственно, в первый раз, гостим с друзьями.

– И где же они?

– В гостинице отсыпаются.

– После вчерашнего? – с улыбкой интересуется незнакомец.

– Ага, – улыбаюсь в ответ я.

– Вы так внимательно всматриваетесь вдаль, случаем не поэт, стихами не балуетесь?

– Как-то не приходилось, мысли всё как-то в прозе лезут.

– А у меня так вообще без слов, кисти да краски.

– Мне, кстати, так и показалось, что вы художник или писатель.

– Взаимно. Видимо, рыбак рыбака и вправду издалека примечает.

– Возможно, только мои мысли пока ни во что мало-мальски творческое не материализовались.

– Это ничего, главное, чтоб они были, а выход свой най-

дут, всему своё время, какие ваши годы.

– Двадцать четвёртые.

– О, возраст прекрасного неведения.

– В смысле?

– Ощущается, что многое знаешь, почти всё понимаешь, постоянно экспериментируешь, намеренно усложняешь всё вокруг. Потом ищешь выход из всего этого, находишь его и начинаешь плести новый клубок, чтобы снова в нём запутаться и искать выход.

– Нуу, что-то типа того, – я увлечённо смотрю на своего собеседника и закурываю ещё одну сигарету, – а как не плести эти клубки, не тратить время попусту на бессмысленные эксперименты и понять что действительно важно?

– Насколько я знаю, всё это очень индивидуально. Вся прелесть именно в этих самых клубках. Ты в них и радуешься, и грустишь, учишься чему-то, временами отрываешься просто. Внутри этого всего кроется тот самый важный, тот самый Твой смысл. Человек за жизнь проходит несколько стадий, зачастую не связанных с конкретным возрастом тела, а связанных скорее с различными ощущениями жизни.

– И что же в них происходит? Ну, то есть я представляю примерно, что-то ведь уже проходил, но, тем не менее, было бы интересно услышать в вашей формулировке.

– Существует детство, подростковость или юность, молодость, зрелость и старость. Все эти стадии, как я уже говорил, никак не привязаны к возрасту. Возраст – это что-то

очень среднее и грубостатистическое, чтобы как-то упорядочить ход жизни.

Детство – это когда ты живёшь в волшебном вакууме, где есть добро и зло, есть чёрное и белое. Когда побеждает добро, побеждает хорошее и светлое.

Подростковость – когда сквозь вакуум начинает просачиваться реальная жизнь. Это первое испытание, в котором твои ангелы начинают готовить тебя к реальности. Они ведут, защищают и разрабатывают в тебе фильтры нужного/ненужного. Это, когда тебе, например, начинает нравиться алкоголь и компания случайная, плохая или хорошая, видится тебе приятно и дружелюбно. Тебя учат понятиям плохо/хорошо на реальных примерах, так как тебе уже мало слов, и ты способен воспринимать реальность. Впуская в себя всё, ты делаешь свой первый выбор. Если на стадии «детство» всё правильно сформировалось, то примешь верное решение и научишься распознавать нужное/ненужное.

– То есть методом проб и ошибок, – говорю я.

– Да, методом проб и ошибок, иначе никак. Это обучение, стадия обучения твоей личности. Ближе к завершению «подростковости» в тебе формируются фильтры, способные отсеивать губительное, способные сопровождать тебя в следующей стадии лично твоего развития. Эти фильтры, безусловно, не вмещают в себя всё, в них пока нет настоящей мудрости. На этом этапе она и невозможна. Ты просто делаешь шаг вперёд, как будто переходишь из класса в класс,

с курса на курс. Открываешь в себе новые способности, новые черты, которые до этого момента в себе не ощущал. То, что казалось обыденным и нормальным приобретает новые краски, оттенки самые разные, прекрасные и ужасные. То, что в тебе было заложено, ты теперь можешь использовать. Преумножать или разбазаривать их – решаешь сам. И если ты не совсем идиот, «здравствуй дерево», а настоящая личность, то сможешь сделать правильные выводы и двигаться дальше. Чтобы твои фильтры стали мудрее и глубже, чтобы они умно защищали тебя, твою личность, помогали ей развиваться и быть лучше.

Вступая в следующую стадию – молодость, ты подготовлен, ну более-менее. Ты сталкивался с разочарованиями, всякой хернёй и прочим, но тебе довелось вкусить и прекрасного, волшебного. Будет сложно. Уже не будет чёрного и белого, хорошо и плохо, ты вступаешь в гамму оттенков. Раскрашивать тебе, подбирать цвета этой гаммы тоже тебе. Помощь будет, но главное ты сам, твои фильтры, твоё ощущение пройденных этапов твоей жизни, жизни твоей личности.

– Мудро, – говорю я.

– Что ж, добро пожаловать в молодость! Насладись ею и достойно перейди в зрелость, желаю успеха! – Он хлопает меня по плечу, затем смотрит на часы и встаёт со скамейки, – что-то я разговорился, мне пора.

– Постойте, а что будет происходить? Дальше какими будут ощущения?

– Помнишь, с чего мы начинали? С клубков, с их преле-сти. Не спеши, успеешь насладиться.

Он уходит, и как только совсем исчезает из вида, я пони-маю, что даже не спросил его имени. Так часто бывает, кто-то привносит в твою жизнь что-то, а ты в итоге, не знаешь или не помнишь даже его имени.

Я ещё недолго сижу и вскоре отправляюсь обратно в отель. Во мне начинает просыпаться голод. Иду вдоль побе-режья и думаю о том, что мои, наверняка, уже проснулись и заказали завтрак, так что нужно спешить, пока хоть что-то осталось, я их знаю.

Глава 11

– Дружище, слушай, мы уже заволновались, – открывая мне дверь, говорит Серж, – где был?

– Да так, гулял по округе, воздухом дышал.

– А, ну да, «морская болезнь ваша» помню-помню.

– Она.

– Давай, это, в номер соседний пошли, там чего-то вкусного заказали, нас ждут.

– С удовольствием, проголодался я порядком.

– Жахнешь чего-нибудь? Я тут слегка приложился, и, ты знаешь, поддержал атмосферную волну.

– Не откажусь, тока чутка.

– Само собой.

Мы отпиваем по паре глотков вечернего виски и идём в соседний номер.

– Так, что тут у нас? – с ходу бросает Серж, высматривая еду, доставленную официантом.

– И тебя с добрым утром, проходи, – отвечает Лена, целует его в щёку и идёт ко мне, – как прогулялся?

– Философски... – немного задумчиво отвечаю я, – как поспали на новом месте?

– Как убитые. Ай-ай-ай. Вискарик с утра? – наострив нюх возле моего рта, замечает Лена.

– Чуть-чуть, мы же на отдыхе, – развожу руками я.

– Ладно, проходи уже, мы тоже шампанское с утра пьём, как богема.

Я скидываю ботинки и вприпрыжку скачу внутрь номера.

– Тамара, привет, с добрым утром, – расплываюсь в улыбке я.

– Кофе будете? Bonjour, – она одаривает меня поцелуем и наливает кофе, действуя с невероятно сексуальным налётом изящности движения.

– Вы так милы и прекрасны, что даже неловко, – игриво говорю я, садясь за стол.

– Ах, вы застали нас внезапно в природной естественной красоте, – прерывает наш светский флирт Лена, – давайте поедим уже что ли, пока всё не остыло совсем.

После завтрака и душа я пребывал в приподнятом настроении, казалось, что вот-вот вырастут крылья и можно будет с лёгкостью взлететь и покружить над городом, насладиться видом, понаблюдать за происходящим с большой высоты, затем спуститься и пролететь над морем, чтобы волны едва касались своим дыханием разгорячённого от полёта тела. Чуть пританцовывая, я подошёл к дивану, где сидела Тамара, лёг и положил свою голову на её ноги. Она читала какой-то журнал и, не отводя глаз от статьи, улыбнулась, проведя рукой по моим волосам.

– Хорошее настроение? Помнится, кто-то был немного задумчив с утра.

– Это прошло, и жизнь кажется прекрасной в полном от-

сутствии мыслей. Хочется просто наслаждаться и летать, летать, летать. Что пишут?

– Да так, фигню всякую, – дочитав, она откладывает журнал и переводит взгляд на меня, – таким ты мне нравишься больше.

– Мне тоже нравится, – я улыбаюсь, довольно зажмуриваюсь и, имитируя кошачье мурчание, начинаю тереться о её ноги.

– Что будем делать сегодня? Давайте сходим куда-нибудь, что в номере сидеть? – доносится из ванной голос Лены.

– На экскурсии бы не хотелось, скучно. Лучше просто по городу погулять. И на бал потом, – Тамара закуривает сигарету, даёт мне сделать затяжку.

– Что ж, решено, – я выпускаю из носа дым.

– Я вас до выхода провожу и, если быстро разберусь со всем, то пересечёмся в городе, – Серж выходит с балкона с телефоном в руке, – если не успею, то в любом случае вечером встретимся.

– Пойдёмте тогда, – Лена выходит из ванной комнаты и подходит к нам, – не будем терять времени.

Мы закрываем номер, спускаемся на лифте, прощаемся с Сержем и выходим на улицу. Мои спутницы берут меня под руки, и мы неспешно начинаем движение. Наши голоса щебечут в произвольном порядке, мы несём игривую околесицу, подшучиваем друг над другом, сплетаемся в клубок, раскручиваемся, сплетаемся вновь. И правда, вся прелесть

в этих самых клубках. В какой-то момент я понимаю, что немного завидую сам себе. В голове проносится мысль: вот он момент, который непременно нужно запомнить. Неважно, какие чувства в последствие он будет вызывать: грусти, ностальгии или радости. Сейчас главное его достоверно зафиксировать, чтобы осталось это ощущение целиком, без прикрас и сплетен. Из таких ощущений складывается жизнь, её восприятие. Подобные моменты, видимо, проносятся перед человеком, когда он оказывается на смертном одре, и перед ним как фильм пролетают события всей его жизни. Таких эпизодов нужно как можно больше, и они непременно обязаны быть увлекательными, чтобы фильм этот самый смотрелся интересно, без унылой скуки.

Глава 12

Наибольшее удовольствие в жизни приносят мечты, предвкушение праздника, фантазии о грядущем. Как в детстве перед новым годом, когда всем вокруг овладевает невероятная магия волшебства. Суета удивительно прекрасна в эти моменты, в воздухе витает что-то такое хорошее, что хочется поймать это и не отпускать. Не знаю почему, но меня вдруг посетило именно такое ощущение.

Мы шли вдоль набережной, дышали ноябрьским воздухом, смотрели по сторонам и были, как будто, в стороне от всего. Такие, своего рода, невидимки со своими мыслями. Я держал Лену за руку, Тамара шла чуть впереди.

– Как думаешь, сколько у нас это продлится? – Лена поправляет сумочку и смотрит на меня.

– Что именно?

– Ну, это всё. То, что между нами троими происходит.

– Не знаю, я предпочитаю не задумываться, а просто наслаждаться, тем, что есть.

– Я тоже стараюсь так делать, но, знаешь, всё-таки порой мысли в голову лезть начинают. Надолго это или как вообще?

– Вся прелесть и трагедия в том, что неизвестно.

– Я не хочу терять того, что у нас есть, но иногда мне кажется, что мы начинаем перерастать наш мир.

– То есть?

– Как будто мы растём, становимся больше, а он остаётся в прежних размерах. И вот, мы уже вынуждены пригибаться, извиваться, чтобы не прорвать тонкие стенки, чтобы этот иллюзорный гармонический вакуум не лопнул, и на нас не хлынуло извне всё то, что мы не хотим пускать.

– А почему ты думаешь, что наш мир не растёт вместе с нами?

– Я не то чтобы так думаю, но, мне кажется, что нужно какие-то шаги предпринимать для его роста.

– Например, какие?

– В обычной ситуации всё как-то проще. Парень с девушкой знакомятся, начинают встречаться, потом живут вместе, потом женятся, потом дети у них и так далее, и тому подобное. В общем, проходят какие-то этапы, делают какие-то шаги. А в нашей ситуации я и не знаю, что нам сделать, что предпринять.

– Давай поступать самым правильным способом: будем искренними, будем любить друг друга. Как бы банально и просто это не звучало. Доверимся чувствам. Всё же это, пожалуй, единственное решение, чтобы быть счастливыми. Кому как не сердцу доверять вопросы счастья, а? – я чиркаю пальцем по носу Лены, – давай Тамару догоним.

Мы ускоряем шаг и через пару-тройку секунд подхватываем Тамару под руки и, не сговариваясь, ведём её к морю.

– Эй, вы что? Утопить меня решили? – Тамара изображает

шутливое волнение, глядя на нас.

– Да нет, просто искупаемся, – в один голос отвечаем мы.

– Супер, вода ледяная, небось, конец ноября всё же. С ума сошли?

– Ладно, хоть руки помочим, – говорю я.

– Исккупаться бы сейчас хотелось, – Лена мечтательно смотрит вдаль.

– В море? – скептически замечает Тамара.

– Ну, да, – продолжает Лена, – будь оно теплее. Жаль, что Серж месяца два назад нам не встретился. Хм, интересно, а почему отель открывается, когда курортный сезон, собственно, прошёл?

– Вроде, открытие намечалось на конец июня, как он говорил, но со строительством какие-то сложности были, потом с отделкой, с разрешениями всякими, лицензиями, короче от графика отстали, – вкратце пересказываю я наш с Сержем разговор.

– Жаль, конечно, что к лету не успели, но, мне кажется, в Сочи круглый год курортный сезон, – говорит Тамара.

– Новый год, опять же, – замечаю я.

– Вот-вот, к тому же можно плавно влиться в работу, постепенно подготовиться к лету, – Тамара отряхивает песок, прицепившийся к её плащу.

– Наверно, так оно и есть, но купаться хочется, – Лена подбрасывает вверх морскую воду, набранную в ладони.

– Завтра в бассейн ходим, если силы после вечера оста-

нутся, – подмигиваю я.

– Ладно, раз купаться в ледяной воде вы не собираетесь, предлагаю по магазинам прошвырнуться, – прерывает рассуждения Тамара, – погулять погуляли, можно развлечься немного.

– Зачем? Вы же целый чемодан с собой взяли? Не-не-не, – мотаю головой я, – знаю я эти походы. Времени и так – в обрез...

– Прекрати, не будь букой, – Лена зажимает мне рукой рот, не дав договорить, – я поддерживаю. К тому же вещей много не бывает.

– В точку, детка, дай пять! – Тамара раскрывает ладонь.

– Решено единогласно! – хлопает её в ответ Лена.

– Кстати, я видела пару клёвых магазинчиков, – подмигивает Тамара.

– Пару клёвых магазинчиков, – выдыхаю я, предчувствуя, что будет дальше.

За время нашего общения я уже вполне начал разбираться в этом сленге. «Несколько клёвых магазинчиков», «прикупить пару аксессуаров» означало только одно: потратить уйму времени и всю имеющуюся в распоряжении сумму, может даже чуть большую, может даже подзанять, на крайний случай. В этом они парили, порхали, кайфовали по полной. Для меня же походы по магазинам были делом очень утомительным и совсем не увлекательным. Я уставал сразу, как только этот процесс начинался. Хотя, безусловно, мне нравились

хорошие вещи, а люди одетые со вкусом, обладающие своим стилем, всегда мне imponировали, сам я был очень далёк от всего этого. К себе в этом вопросе я относился пренебрежительно, вернее сказать, никак не относился. Мне никогда не давались походы типа «к какому-то торжественному моменту что-то приобрести», поэтому большинство моих вещей куплены спонтанно и случайно. Я относился к этому проще, покупая как можно быстрее понравившуюся мне вещь. У Лены всё было в точности наоборот. Она постоянно что-то присматривала, где-то приглядывала, ходила в какие-то магазины, на какие-то распродажи, а потом мучала меня расспросами типа «идёт, не идёт». С появлением Тамары Лена стала меньше ко мне приставать, вернее совсем перестала. С Тамарой они могли часами блуждать по совершенно невообразимым маршрутам хитрожопоустроенных торговых центров, выискивая как что-то нужное, так и что-то абсолютно бесполезное. Прекрасно проводили время. В целом ситуация с шопингом вошла в хорошее русло. Я был рад тому факту, что теперь мне не нужно придумывать нелепых отмазок, чтобы не ходить по магазинам, а девчонкам было хорошо вместе заниматься всеми этими делами.

В этот раз, на удивление, всё прошло достаточно быстро и оперативно, ограничились парой аксессуаров да шарфиков. Время действительно поджимало и на долгие основательные походы его просто не осталось.

– Так, теперь быстро в гостиницу, – разбираясь с пакета-

ми, бросила Тамара.

– Пол седьмого уже, о боже, – подхватила Лена, – Кость, поймай такси, а то вообще никуда не успеем.

– Да успеем, не переживай, – успокоительно кивнул я, выходя из магазина, – вон там целый отряд таксистов.

Мы погрузились в машину, сторговавшись на пару сотен, и помчали в отель. Играло радио, таксист, на счастье, попался молчаливым, вежливо с нами поздоровался и всю дорогу молчал, лишь изредка поглядывая в зеркало заднего вида. Вёл он уверенно и достаточно аккуратно, спасибо ему за это. Добрались мы быстро, я расплатился, оставив немного на чай.

В холле отеля мы встретили Сержа, он был взволнован и, кажется, чем-то расстроен.

– О, привет, долго вы. Как погуляли? – начал Серж немного отстранённо, но в тоже время как-то взвинчено.

– Да, вроде, нормально, – глядя на него ответила Тамара, – жаль ты к нам присоединиться не смог. Чем занимался? Нормально всё? Вид у тебя какой-то запаренный.

– Да, Серёг, что-то случилось? – подключился я, тоже заметив нервозность Сержа.

– Да, да, нормально, просто дела, суета, не берите в голову... Ладно, давайте собирайтесь, позже поговорим, – ища кого-то взглядом и озираясь по сторонам, Серж направился быстрым шагом в сторону лифтов.

– Что это с ним? – недоумённо посмотрела на нас Лена.

– Не знаю, но вид у него был какой-то странный, – говорю я.

– Да ладно, что вы опять на ровном месте фантазии свои разводите, – вступила Тамара, – дел у человека полно просто, он же тут не в качестве гостя. Может повар чего не то сделал или забыли что-нибудь, мало ли запар на подобном мероприятии?

– Хорошо если так, но это ж всё таки Серж, стал бы он заморачиваться из-за какой-нибудь фигни? – продолжаю я.

– Повзрослел человек, более ответственным стал, ничего сверхординарного, -не сомневаясь отвечает Тамара, – напоминая, пора бы нам в номер уже подняться и сборы начать, а то он запарится ещё больше, если через час мы не спустимся.

– Да идём мы уже, идём, – Лена начинает искать в сумочке ключ от номера, – подожди, ты что-то знаешь? Он тебе говорил что-то, когда вы на пляже ворковали?

– Ничего он мне не говорил, – немного замешкавшись, Тамара начинает движение в сторону лифтов, – так просто в общем, какие-то жизненные моменты, без подробностей.

– Какие моменты? – спрашиваю я.

– Да не знаю, путанно что-то он рассказывал, перескакивал с места на место, обычный трёп я и внимания особого не придавала. Подвыпили мы все, что обычно в такие моменты бывает? Темы там обо всём и ни о чём...

– Понятно, что мало что понятно... – задумчиво произносит Лена, нажимая кнопку лифта.

– Нда, ладно, позже поговорим с ним, сейчас-то что загадки строить? Захочет сам расскажет, – заключаю я в такт открывающимся дверям лифта, – пойдём собираться.

– Да, пора, – кивает Тамара.

Мы приезжаем на наш этаж, подходим к своим номерам.

– Меньше часа времени, успеете? – пытаюсь немного разрядить обстановку подшучиваю я.

– Ой, кто-бы говорил, мистер «какой ремень сюда больше подходит?» – передразнивает Лена, – как бы нам вас ждать не пришлось.

– Так-так, что за шуточки, леди? – морщу лоб я.

– Что, что? Ничего, – подмигивает Тамара.

– Смотрите, а то получите по своим попкам этим самым ремешком.

– Ой-ой, боимся-боимся, спешим-спешим, – хихикая, бросают они мне и проскальзывают в номер.

Обстановка немного разряжается, но вопрос остаётся, что-то всё таки явно не так. Я захожу к себе, замечаю, что по номеру разбросаны вещи Сержа, как будто кто-то что-то искал. Мои не тронуты, всё, вроде, на месте. Наливаю немного виски, закуриваю. Ситуация становится волнительной и немного напряжённой. Шум волн за окном перемешивается с ощутимыми порывами ветра и накапывающим дождём. Я слегка прибираюсь, допиваю бокал, тушу сигарету и иду в душ.

Глава 13

Клетки нервных окончаний резонировали между собой, создавая волну сомнения и тревоги. Ощущения и ожидания будили предвкушение чего-то. Чего-то нового, взрослого и не вполне осознанного. Каждый раз, испытывая подобные переживания, хочется избавиться от них как можно быстрее, но зачастую не получается. Твои фильтры не всегда справляются, чтобы отсеивать прорывающиеся беспокойства. Мозг, как назло, начинает рисовать неприятные, а подчас и совсем отвратительные картинки возможного развития событий. Сердце то замирает, то начинает бешено колотиться. Сумасшествие. Скорее, всё же лёгкое сумасшествие, потому что ты понимаешь, что ничего страшного не происходит, это просто небольшой загон, запарка, не важно, просто небольшая фигня, которая будит фантазию. Почему интересно у чего-то негативного и тревожного получается гораздо лучше будить фантазию? Рисовать крахи, трагедии? Почему когда просто что-то хорошее царит, нет такого буйства иллюстраций в голове? Вопросы, вопросы, одни бесконечные вопросы, а ответы, судя по всему, найдутся позже и после, когда будет уже поздно. И ты получишь новый опыт, всего-то. Блятсво! Блятство мыслей в оргии тревожности рассудка. Ударить себя по голове, надавать оплеух и пощёчин? Или просто умыться холодной водой? Или пусть зазвучит

какой-нибудь телефонный звонок, или ещё что-либо? Ну же, давай! Пусть хоть что-нибудь произойдёт! Зависший компьютер, изнемогающий от желания перезагрузиться.

– О, ты ещё здесь? – Серж врывается в номер с пистолетом в руке.

– Да, собираюсь, – я оборачиваюсь на шум, не сразу заметив оружие, – девчонки уже почти готовы, просили ещё пару минут.

– Хорошо, пара минут, пара минут... – Серж начинает метаться по номеру.

– Что это у тебя? Новая зажигалка, очень натурально выглядит? – я устремляю свой взгляд на руку Сержа, искривляясь в нелепой улыбке, сердце начинает стучать всё сильнее и сильнее.

– Нне, не совсем, – голос Сержа дрожит.

– Что случилось?! – недоумеваю я.

– Мне ккажется, что я сделал нечто ужасное, – он, наконец, останавливается.

– Что?! Что?! – интонация моего голоса вибрирует.

– Я... Я... Уубил отца, – продолжая заикаться проговаривает Серж.

– Чтоо?! – мой голос срывается на крик.

– Дда, я не знаю, ккак это произошло, все ккак-будто в тумане... – он хватается за голову и оседает на пол, пистолет вываливается из руки.

Я подбегаю к Сержу, поднимаю его, усаживаю на диван.

Затем наливаю и протягиваю полный стакан виски.

– Пей! – говорю я в надежде, что это его как-то успокоит.

– Я... Я... – раздаётся невнятное мычание.

– Пей залпом, быстро! – настаиваю я.

Сержа дико трясёт, он выпивает, разлив почти половину, но немного успокаивается. Я выжидаю минутную паузу, поднимаю пистолет и убираю его в ящик комода.

– Что произошло? – спрашиваю.

– Он и она... Они... Зачем это, почему так?..

– Да кто он-то?! – не выдерживаю я.

– Мой отец. Я пришёл к нему в кабинет, чтобы обсудить пару моментов рабочих и застал их.

– Кого?

– Его и мою невесту, Вику...

– Невесту?! У тебя есть невеста, что же ты молчал? – я сам начинаю немного заикаться, мысли перепутываются ещё сильнее.

– Да... Есть... Она должна была прилететь завтра, но прилетела сегодня.

– Я понял, понял. Дальше что произошло? – я наливаю ещё два стакана, один протягиваю Сержу, другой выпиваю сам.

– Так вот, я поднялся к отцу, уточнить по работе... А она... Она была там, в кабинете, раздвигала ноги прямо на столе. БЛЯДИНА! А ОН, КАК ОН МОГ!? – Серж срывается на громкий крик, на который из соседнего номера вбегают

Лена с Тamarой.

– Что вы орёте? Что случилось? – перебивая друг друга, спрашивают они.

– Он застал свою невесту со своим отцом и кажется на-творил дел, – пытаюсь объяснить ситуацию я.

– КОГО?

– С КЕМ?

– Невесту со своим отцом, – повторяю я, – подождите, дайте ему рассказать.

– Застал? В смысле застал? – переспрашивает Тамара.

– В том самом смысле, – пытаюсь пояснить я.

– У тебя есть невеста? – недоумевает от происходящего

Лена.

– Да, есть... Была, – Серж снова хватается за голову.

– Продолжай, что дальше-то было? – я беру его за плечи, пытаюсь привести в чувства.

– Я выскочил из кабинета и, ббудто обезумев, ринулся в комнату охраны, схватил пистолет и вернулся...

– ПИСТОЛЕТ?! – выкрикивает Лена.

– Да, – одёргиваю её я.

– Ппотом, потом, как в тумане всё... – продолжает Серж, – я вворвался в кабинет с криками... Они ссидели, как ни в чём не бывало, дделали вид, что о чём-то говорят... Затем переглянулись между собой, поняли, что я их видел... И тут, тут я начал стрелять.

Глава 14

– Бах! Пум! – летело со сцены.

– Бах! Пум! – открывались бутылки шампанского.

Всё сверкало праздничными разноцветными огоньками, лилась музыка, вечер разгорался всё ярче и ярче. Мелькающие официанты в лакированных ботинках лихо управлялись со своими подносами, маневрируя между столиками. Гости в вечерних нарядах, улыбаясь, кокетничали и флиртовали друг с другом. Музыканты демонстрировали своё мастерство, искромётно извлекая звук из всевозможных инструментов. Атмосфера красоты происходящего затмевала невзгоды сиюминутных переживаний. В этой упорядоченной толкотне не ощущалось проблем. Мгновение всепоглощающего безумства удовольствия. За всем этим шумом-гамом выстрелы явно не были слышны.

Я направлялся в сторону лифта, Лена догнала меня:

– Послушай, что ты собираешься делать?

– Пока не знаю. Поднимусь к кабинету, посмотрю, что там происходит, – говорю я, пытаюсь успокоиться.

– Давай я с тобой, или лучше здесь останемся, – Лена берёт меня за руку, – мне что-то совсем не по себе.

– Я знаю, знаю, – сжимаю её руку, – нам всем очень не просто, но сейчас тебе с Тamarой нужно побыть с Сержем. И его нельзя оставлять одного, и вам вдвоём будет спокойней.

– О каком спокойствии ты говоришь? – выдыхает Лена.

– Понимаю, понимаю, но нужно выяснить, что там сейчас происходит. Всем нам необходимо прийти в себя, насколько это возможно, и не впадать в панику.

– Хотелось бы, блин, не паниковать. А пистолет? Где он сейчас? – пытается сконцентрироваться Лена.

– Я положил его в комод, – отвечаю.

– Он заряжен?

– Нет, я разрядил его.

– Откуда ты знаешь, как им пользоваться? – Лена с удивлением смотрит на меня.

– Стрелял пару раз по бутылкам со знакомым ментом, запомнил, как куда нажимать.

– Каким ещё ментом?

– Да так, неважно. Год или полтора назад познакомились на дне рождения каком-то, пересекались потом несколько раз среди общих знакомых.

– У тебя номер его остался? Может позвонить неофициально, спросить, что делать?

– Вроде был, не знаю... Рано пока горячку пороть, нужно сперва выяснить, что происходит.

– Не нравится мне вся эта херня, – Лена нервно поправляет волосы.

– Мне тоже.

– Отпечатки свои стёр? Это всё-таки возможное орудие...

– Лен, я надеюсь, что...

– Что?

– Нет, не стёр.

– Где всё лежит?

– Пистолет в комоде у входа, магазин с патронами в верхнем ящике тумбочки прикроватной, – вспоминаю я, куда распихал детали.

– Поняла, я позабочусь об этом. Позвони сразу, как узнаешь что-нибудь, – Лена обнимает меня.

– Хорошо, – говорю я ей на ухо.

– Будь осторожен. Люблю тебя.

– И я тебя люблю. Всё будет хорошо.

– Надеюсь, но всё, блядь, уже не хорошо. Съездили на выходные.

– Ну, всё, всё, нужно идти, – мы разъединяемся.

– Давай, – она смотрит на меня обеспокоенным взглядом.

Двери лифта открываются, я захожу внутрь, нажимаю кнопку последнего этажа и понимаю, что действительно: всё, блядь, уже не хорошо.

Глава 15

В голове нет ни единой мысли, вернее, их очень много, но они мелькают и проносятся с огромной скоростью, так что заметить хотя бы одну вразумительную нет никакой возможности. В ощущениях что-то вроде коктейля: страх и волнение, «смешать, но не взбалтывать». Вот бы не пить его, но уже поздно, рассудок уже в его власти. Уверенности агента 007 явно не хватает в эту минуту.

– Тцзынь, – говорят мне двери лифта, открываясь.

– Ну, вперёд, – отвечаю я им и вхожу на этаж.

Просматривается коридор метров пятнадцать длиной. Достаточно тихо. Я прислушиваюсь, пытаюсь сориентироваться, куда именно идти. Из-за самой большой двери доносятся чуть слышно голоса. Видимо, это и есть тот самый кабинет. Я осторожно прокрадываюсь ближе и прислоняю ухо в надежде услышать хоть что-то.

– Ищут его, далеко уйти не мог. Машины все на месте. Скорее всего, в отеле где-то, – доносится низкий мужской голос, по манере напоминающий военный выговор.

– Нужно...ой, аккуратно, не разводя панику, шумиха не нужна, тем более такая. Людей в зале полно не последних, да и журналюги, думаю, не дремлют. Им только дай повод, такую херню разведут, что за жизнь не отмоешься, – голос издаёт болезненные звуки, говорит несколько протяжно.

– Работаем, при появлении информации сразу к вам, – низкий голос становится громче.

– Твою мать, он же идёт к двери! – проносится в голове.

Дверь открывается. Я начинаю движение в сторону, но ничего не успеваю сделать. Молниеносным движением в меня впиваются мёртвой хваткой питбуля и бросают внутрь кабинета. Там подбегают ещё двое с габаритами «два на полтора метра», заламывают руки, наносят несколько ударов, от которых у меня начинает всё плыть перед глазами. В течение пары секунд я оказываюсь лежащим лицом в ворсистый ковёр, сквозь который могу с трудом дышать, и ощущаю на себе вес килограмм в сто двадцать.

– ЛЕЖАТЬ! КТО ТАКОЙ?! ЧТО НАДО?! ОТВЕЧАЙ! БЫСТРО! – слышу я тот самый низкий голос, звучащий как гром.

– Гх... Гх... Я, я гость, меня Серж, Дмитриев Сергей пригласил на выходные, – кашляя и запинаясь, пытаюсь отвечать я.

– ГДЕ ОН? ГОВОРИ! – гремит всё тот же голос.

– Я нне могу ддышать... – в глазах всё темнеет, я начинаю отключаться.

– Отпусти, отпусти его, – слышу я уже в полубессознательном состоянии, – Артур Георгиевич, дайте ему нашатыря понюхать.

Меня поднимают, бросают на кресло. Ко мне подходит мужик лет пятидесяти, в очках, со стетоскопом на шее и су-

ёт в нос вату, смоченную в нашатырном спирте. Запах резко бьёт мне в голову, сознание возвращается. Я оглядываюсь по сторонам. Просторный кабинет, метров сорок квадратных, большой шкаф с книгами, множество полок с какими-то грамотами, сертификатами, кожаный диван, несколько кресел, стол владельца из какой-то, судя по всему, очень дорогой породы дерева, напротив него ещё один стол и несколько стульев вокруг. На диване сидит человек лет пятидесяти – пятидесяти пяти, с полуседыми волосами. На нём разорванная рубашка с пятнами крови, повязка на плече, возле него тот самый мужик с нашатырём. Слева, в таком же, что и у меня, кресле сидит девушка двадцати лет с заплаканными глазами, размазанным макияжем и абсолютно потерянным взглядом. В комнате также три амбала угрожающего вида (такого, что можно обделаться от ужаса, если они на тебя посмотрят или скажут что-нибудь) в костюмах и с наушниками. Картина происходящего начинает понемногу проясняться. Мужик на диване, по всей видимости, – отец Сержа. Нашатырщик со стетоскопом – врач, оказывающий первую помощь. Амбалы – служба охраны (и тот, что говорил громовым голосом – главный среди них). А рыдающая девушка, видимо, та самая Вика – невеста Сержа. Во всей сложившейся ситуации радуется то, что никто никого всё-таки не убил. Все, по крайней мере, пока, живы. Откашлявшись и немного переведя дух, я начинаю говорить:

– Дмитриев Сергей пригласил нас сюда, на открытие. Мы

с ним учились вместе. Недавно встретились случайно, и он позвал отдохнуть на выходные.

– Где он? С ним всё в порядке? Он цел? – седовласый, слегка привстав, пристально посмотрел на меня.

– Да, он жив, цел, с ним всё в порядке. Ну, по крайней мере, физически, – отвечаю.

– Где он?

– В одном из номеров, здесь в отеле.

– Он вооружён? – снова прозвучал гром.

– Нет, пистолет я забрал у него, разрядил и спрятал, – я перевожу взгляд на голос.

– В каком номере? – продолжает допрос другой охранник.

– Ай... Мм, – лицо седовласого искривляется в гримасе боли, он смотрит на доктора, – что там?

– Кровь я остановил, Виктор Валентинович, но пуля внутри. Извлечь её необходимо в кратчайшие сроки.

– И как быть?

– В больницу вам надо. Здесь, сейчас, без оборудования я помочь вам не смогу.

– В больницу нельзя сейчас. Мне в зал необходимо будет спуститься в ближайшее время. Что можно сделать?

– Можно обезболить на какое-то время, а потом срочно в больницу.

– Хорошо, коли.

Врач достаёт из своего чемоданчика ампулу, шприц и делает укол.

– Саш, отправь кого-нибудь в номер ко мне, пусть смокинг сюда принесёт и с Викой кого-нибудь. Успокоительное дайте ей, Артур Георгиевич.

Старший по охране кивает в сторону одного из амбалов, тот выскакивает из кабинета большими, быстрыми шагами.

– Вика... Вика! Ты слышишь меня?! – та поднимает голову, – иди сейчас в номер к себе, приляг.

Девушка, не говоря ни слова, медленно встаёт и, спотыкаясь, бредёт в сторону двери. Доктор подходит ко второму охраннику, даёт ему какие-то таблетки, что-то говорит на ухо, после чего тот выходит следом за Викторией. Мы остаёмся вчетвером.

– Я вспомнил, Серёжа упоминал о вас с сестрой и подругой, кажется, – седовласый обращается теперь ко мне, – прошу прощения за такое не гостеприимство, но сами понимаете, ситуация не вполне нормальна. Да, я не представился. Виктор Валентинович Дмитриев, отец Серёжи.

– Константин, – едва сдерживая дрожь в голосе, отвечаю я.

– Сергей сейчас с вашей сестрой?

– Да, мы пытались его как-то успокоить.

– Хорошо, я ценю вашу помощь. Это Дольский Александр Владимирович, – кивает он в сторону громогласного, – дойдёте сейчас с ним до номера, пистолет отдадите. Пусть он за Серёжей присмотрит, чтоб тот дел не натворил ещё каких-нибудь.

– Хорошо, только можно я сперва сам с Сержем, эм...

Сергеем поговорю, подготовлю как-то?

– Да. Саш, будь рядом всё равно.

– Само собой, Виктор Валентинович, – звучит снова низкий голос.

– Артур Георгиевич, помогите мне сейчас переодеться, затем к Вике зайдите, посмотрите, как там она. Я на час к гостям спущусь, и в больницу поедem, -тот кивает, достаёт телефон и начинает куда-то звонить.

Отец Сержа встаёт, подходит ко мне и протягивает визитку:

– Возьмите, там указан мой телефон. Если что-то потребуется, звоните. Ваши номера будут зарезервированы на вас. Оставайтесь сколько пожелаете.

Я беру визитку и направляюсь к выходу, глава охраны идёт следом за мной. Незаметно достаю из кармана телефон и отправляю сообщение Лене: «Все живы, скоро буду».

Глава 16

После нашего прощания у лифта в Лене активизировались все оборонительные механизмы и рефлексy. Она эмоционально и чувственно встала на защиту того, что ей было дорого: меня и Тамары, нашего общего мира и всего, что в него включалось. Подобные ощущения она испытывала впервые. Они овладели ею всецело в этот значимый и пугающий неизвестностью момент. Сделав несколько шагов от лифта в сторону номера, Лена остановилось, сделала глубокий вдох, после чего продолжила движение и вошла внутрь. Она почувствовала, как замирает её сердце, и насколько чётко сфокусирован её взгляд. Люди, вещи и предметы в комнате ощущались по-новому, в каком-то другом виде, ином измерении, которое раньше было недоступно для восприятия. Обострённый слух улавливал каждый шорох. Был различим и узнаваем каждый звук за окном: будь то шум волн, порыв ветра с морозящим дождём или проезжающий автомобиль. Течение мыслей в её голове отошло на второй план, на первый же вышли инстинкты.

Серж сидел на диване, уставившись в пол, обхватив голову руками. Тамара стояла чуть в стороне и курила уже вторую сигарету за последние пять минут. Она была напугана, в её глазах застыл какой-то первобытный страх. Лена подошла к журнальному столику, разлила виски по трём бокалам,

сделала большой глоток из своего, поморщившись от крепости неразбавленного напитка, и нарушила тишину, мертвецки повисшую в комнате:

– Прежде всего, нам нужно успокоиться и не поддаваться панике. Обстоятельства не из лёгких, но из любой ситуации должен быть выход.

– Лена права, сейчас необходимо выйти из ступора, из этого шокового состояния, – Тамара затушила сигарету и тоже сделала глоток виски.

– Что тут разбираться, всё и так понятно. Дело – дрянь. Того, что произошло, уже не вернуть, и говорить не о чем, – не поднимая головы, мычал Серж.

– Давай не будем делать поспешных выводов и дождёмся хотя бы новостей от Кости, – Тамара понемногу начинала избавляться от панической атаки.

– Всё как сон, как какой-то страшный сон. Бред, глупость, тщетность, – Серж схватил свой бокал и залпом осушил его. Глаза его были красны от проступивших слёз в этом истерически-нервном состоянии.

– Пойдём в ванную, нужно умыться и попытаться хотя бы немного прийти в себя, – Лена сделала движение в сторону Сержа.

– Пойдём. Может быть, вы и правы, – закрыв глаза и глубоко вздохнув, произнёс Серж и после минутной паузы начал вставать с дивана.

– Тамар, помоги ему.

Тамара повела Сержа, придерживая за руку. Как только в кране зашумела вода, Лена ринулась к комоду в прихожей и начала тщательно протирать пистолет носовым платком. Закончив с ним, она стремительно и бесшумно обогнула кровать, открыла тумбочку и проделала то же самое с магазином с патронами, после чего поспешила к ванной комнате. Серж стоял, наклонившись к раковине и прислонив ладони с холодной водой к лицу. Тамара положила руку ему на спину и что-то говорила тихим голосом.

– Как тут у вас дела? – подойдя к двери, поинтересовалась Лена.

– Пока не знаю, – тем же самым, едва слышимым голосом ответила Тамара.

– Спасибо вам, – Серж, покачиваясь, закрыл воду, отодвинулся от раковины и обнял их, – я так рад, что встретил вас, что вы были частью моей жизни...

– Почему были-то? – чуть громче обычного произнесла Лена, – мы есть и будем в твоей жизни.

– Да, Серёж, мы никуда не уходим, мы здесь с тобой, – поддержала её Тамара.

Они простояли так несколько минут.

– Пойдёмте, присядем, – прервала молчание Тамара, – мы все очень устали, нам необходимо немного отдыха.

– Да, пойдём, – согласилась Лена, делая движение по направлению к дивану.

– Спасибо вам, мои любимые, мои хорошие за всё, я очень

вам благодарен за вашу теплоту и заботу, но мне... Мне нужно идти, я не могу подставлять вас, – Серж вытер рукавом лицо с вновь начинавшими проступить слезами.

– Куда ты пойдёшь? – взволнованно отреагировала Тамара, – давай Костю дождёмся, ну пожалуйста...

– В таком состоянии мы не можем тебя отпустить, остановись, давай посидим несколько минут, – сделала очередную попытку Лена.

Серж поймал какую-то свою волну и, ничего не отвечая, двинулся к входной двери. Лена попыталась его остановить, но он, оттолкнул её, будто не заметив, и продолжил идти. Лена оступилась и упала, Тамара бросилась к ней.

– Ты что, зачем?! – со слезами на глазах она смотрела на Сержа.

– Простите меня... Умоляю... Лена... Лена, я не хотел, прости... Тамара... Простите меня... – Серж выскочил из номера и побежал к лестнице.

Через минуту раздался звонок, Лена схватила телефон и прочитала моё сообщение: «Все живы, скоро буду».

Глава 17

Я был явно не в своей тарелке. Пытаясь собраться с мыслями, я уставился в кнопки лифта и меняющиеся циферки на панели с номерами этажей. Глава охраны с невозмутимым видом стоял рядом со мной, его сосредоточенность и бдительность внушали доверие. Совершенно точно это была не первая критическая ситуация в его жизни и, судя по всему, не последняя, учитывая специфику работы. Обычная рутина, ничего сверхвыдающегося и нового. Такое положение дел немного успокаивало: хоть кто-то знал, что делать, куда идти и как себя вести. Но, тем не менее, беспокойство не покидало. Заметив мою нервозность, Дольский попытался слегка разрядить обстановку:

– Давно вы с Серёжей знакомы? – спросил он, устремив свой взгляд на меня.

– Лет пять или около того, учились вместе несколько семестров, – не отрываясь от кнопок, отвечал я.

– Студенчество – весёлая пора, – продолжал Дольский.

– Да, полна событий, – я попытался ответить ему улыбкой, но вместо этого на моём лице образовалась какая-то непонятная гримаса.

– Ты хорошо справляешься, извини, что попинали немного, сам понимаешь, – он похлопал меня по плечу.

– Понимаю, ничего страшного.

– Там в номере сестра твоя?

– Да, и подруга, надеюсь всё в порядке у них.

– В порядке, в порядке, не переживай. Сорвало немного башню у Серёжи, перенервничал, бывает. Главное никто серьёзно не пострадал, остальное фигня. Неисправима только смерть, остальное решаемо.

– Наверно, вы правы.

– Прав. Я за свою жизнь столько посмотрелся всего и на войне, и без войны, что можешь мне поверить: всё исправимо кроме смерти. Всё хорошо будет. – Он подмигнул мне, я ответил полуулыбкой, на сей раз она у меня получилась.

Вдаваться в подробности о случившемся я не стал, дело всё-таки внутрисемейное, и лезть в него особо не стоит, если ты не из семьи. Такие дела сами по себе как-то решаются или не решаются, но всё равно остаются внутри определённого круга людей. Развивать тему «исправимого и неисправимого» я тоже не стал. У всех своё мнение. Одной истины не существует. В разные моменты жизни ты приходишь, то к одним выводам, то к другим. Каждый из этих выводов зависит от целой кучи дополнительных факторов, определяющихся событиями твоей жизни и твоей реакцией на эти события. Различные ситуации могут изменить человека, его отношение к происходящему. Могут убить в нём того, кем он привык быть, каким привыкли видеть его окружающие. Иногда очень хочется убить в себе что-то, переродиться обновлённым, улучшенным, но зачастую – это просто невозможно.

Справиться можно, а можно и не справиться. Ведь бывает же такое: знаешь, как будет правильно, но всё равно делаешь неправильно. Потом можешь пожалеть, а можешь запустить какую-то новую реакцию и волну, которая повлечёт за собой целый умопомрачительный круговорот, что скажешь что-то типа «ух, ты!» или «ничего себе!», или «повезло!».

Лифт остановился на нашем этаже, двери открылись, показался коридор. Мой взгляд сразу устремился в сторону номера. Дверь была настежь распахнута, и я снова ощутил дикое беспокойство. Я бросился вперёд, Дольский устремился за мной. Возле входа на полу сидели Лена с Тамарой, глаза у них были заплаканные, Сержа видно не было.

– Что случилось? С вами всё в порядке? Где Серж? – выпалил я градом вопросов.

– Он убежал по лестнице куда-то, мы пытались его остановить, но он не слушал, оттолкнул Лену и выскочил, – попыталась объяснить Тамара.

– Куда он побежал? Вверх? Вниз? – продолжил расспрос Дольский.

– Не знаю точно, вроде вниз, но я не уверена, – Тамара вопросительно и взволнованно смотрела на меня.

– Это Александр Владимирович Дольский, начальник службы безопасности. С отцом Сержа всё в порядке, он ранен, но не критично, все живы, – попытался донести информацию я.

– Я – Лена, это Тамара, – Лена начала приходить в себя, –

по звуку шагов Серж вниз побежал. Он вроде успокоился, но потом опять что-то произошло. Как угорелый выскочил.

– Очень приятно девушки, жаль, что знакомство при таких обстоятельствах, – учтивость этого сурового на вид воюки несколько удивила меня, – он вооружён?

– Нет, пистолет здесь в комодке, патроны в тумбочке возле кровати, – Лена начала вставать с пола, Тамара помогала ей, придерживая за руку.

Дольский выдвинул ящик комода, взял пистолет, потом в несколько шагов пересёк номер и забрал патроны. После чего достал рацию:

– Третий, седьмой, к парковке, пятый к крыше. Жаворонок ушёл. Жаворонок чист. Приём.

– Третий принял, пятый принял, седьмой принял, – донеслось из рации ответное шипение.

– Девочки, вы молодцы, побудьте здесь, Костя останься с ними. Всё будет в порядке, ситуация под контролем, – сказав это, он выскочил из номера и побежал вниз по лестнице.

Мы остались втроём, закрыли дверь и сели на диван, рассказали друг другу всё, что нам было известно.

– Ничего себе вечер выдался, – резюмировала Лена.

– Что же будет теперь? Бедный Серж, только бы он глупостей не натворил, – взволнованно произнесла Тамара.

– Теперь самое главное, чтоб его нашли вовремя, и он хотя бы узнал, что не убил никого, – я достал из кармана сигареты, положил их на стол и начал искать взглядом пепельницу.

– Да, как потом будет он со всем этим уживаться уже другой вопрос, сейчас нужно безумие остановить, – Лена достала зажигалку, взяла из пачки сигарету.

Мы сидели молча, пытаясь осознать, что произошло, свыкнуться с этим. Ждать единственное, что нам оставалось, и, судя по всему, ждать было недолго, не покидало ощущение, что всё разрешится в ближайшие часы, а может и минуты.

Глава 18

Шаги стихли, звуки смолки, слышались лишь пролетающие мысли. Картину дополнял мелкий дождь, серая пасмурность которого была само собой понимающейся иллюстрацией происходящего. Вспышки объединяющего безумия сближали действующих лиц в этом абсурдном скоростном водовороте событий. Тамара и Лена задремали на диване, я сидел молча, разглядывая всё вокруг с каким-то своеобразным ощущением. Оно не было страшным и уже не было волнительным. Видимо, произошла некая адаптация и привычка. Впереди в ожидании маячила перевёрнутая страница, другая глава, чистый лист бумаги в книге судеб каждого из нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.